

Вспоминаю разговоры с Марией Федоровной Берггольц, актрисой, сестрой поэтессы Ольги Берггольц – о том, как по хрупкому льду Дороги жизни везла продукты голодающей сестре и другим писателям с пистолетом, выданным Фадеевым.

Она говорила мне об огромном зеркале, которое свисало из окна одного из пострадавших при авианалете зданий, отражая зимний город-призрак.

Почему-то это одинокое не разбившееся зеркало было для нее символом блокады.

И вспоминаю писателя Георгия Михайловича Калининина.

Худой, белобородый, синеглазый.

Он мало кому известен.

«Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я – человек блокадный».

Это из его сильной и мало кем прочитанной книги «День один».

Я много общался с ним с самого детства до недавнего времени, когда его не стало.

Он говорил и записывал простую и страшную правду.

Умидали знакомые и родные, целыми семьями. Мать бывала дома несколько раз в неделю, потому что работала на заводе сутками.

Мальчишка постарше украл карточки. Юра бросился на этого соседа, от которого пахло ворованным хлебом, и двое барахтались, сцепившись, как жуткие карлики.

А еще в дом ворвался обезумевший людоед-прохожий, и чудом удалось спастись. А еще добрые старушки на улице прощальными голосами попросили спичек, и он, голодный, злобно их отшил и свою грубость вспоминал всю жизнь со стыдом.

А еще он навсегда запомнил, как маленькая девочка заиндевелыми губами просит безнадежно одно: «Хлебушка!»

Он (как и все блокадники) не мог видеть, если не доедали или выбрасывали еду.

Даже когда голубям крошили хлеб, помню, он мрачнел.

Все проходит, но все, как известно, остается с тобой навеки. Здесь же, в блокадном цикле Калининина, – короткий рассказ «Такая рыба с хвостом». Отец идет с маленьким сыном по бескрайнему полю. Ребенок зачих в городе и радостно скачет, растворяясь в природе. Отец не думает уж точно о недавнем прошлом – о той обледенелой еловой чурке, которую раскалывал топором, воображая, что это голова главного врага, объявившего войну. И вдруг ребенок выкрикивает знакомое, «отрывистое, как удар топора» имя. Отец просит повторить.

«Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я – человек блокадный».

«С гримаской удивленно-веселого недоумения, вжав голову в плечи и отвернув ее в сторону – Пожалуйста! – ты оттараторил:

- Сегодня утром под мостом поймали Гитлера с хвостом.
- Откуда это у тебя?
- Это мы в садике сочинили.
- А кто такой Гитлер, знаешь?

Словно бы моля о снисхождении, ты поднял на меня доверчивые прозрачно-голубые глаза и тихо, упавшим голосом произнес:

- Это такая рыба».

